

«БЫЛ ГОЛОД ПО ВСЕЙ ТОЙ СТРАНЕ»: ЛЕТОПИСАНИЕ ИСТОРИИ ГОЛОДА В РОССИИ В XI–XVI вв.¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Значительная территория Российского государства исторически включала в себя огромное количество регионов с весьма разнообразными природно-климатическими условиями, определявшими их хозяйственно-экономическую специализацию. Специфика хозяйственного производства обуславливала и наличие таких социально-экономических явлений, как неурожай и голод, последствия которых вызывали волну социального недовольства, дестабилизирующую ситуацию в стране. Цель работы – проанализировать тексты русских летописей XI–XVI вв. с целью выявления причин возникновения и мер борьбы с такими явлениями, как неурожай и голод.

Материалы и методы. Решение поставленных в исследовании задач было достигнуто путем изучения таких летописных источников, как Патриаршая, или Никоновская, летопись, Повесть временных лет (Лаврентьевский список), а также Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Методологические основы исследования составили принципы историзма, объективности и системности. Внутренняя структура работы строится в проблемно-хронологическом порядке. В исследовании применялись традиционные методы исторического познания: описательный, сравнительно-исторический, типологический и системно-структурный.

Результаты. В статье рассмотрены основные аспекты возникновения неурожая и голода как социального явления в XI–XVI вв. Изучены причины его появления, развитие и последствия для населения. В статье проанализированы способы борьбы с неурожаями и голодом, а также роль государственной власти в этом процессе.

Выводы. Официальная история такого явления, как неурожай и голод, в контексте социально-экономической истории Российского государства начинается с XI в. В XI–XIV вв. начинается формирование зачатков продовольственной системы, характеризующейся возникновением хлебной торговли, составлением запасов и выдачей денежных и натуральных ссуд как способов борьбы с неурожаем и голодом. Однако описываемый хронологический период характеризуется слабым вниманием государственной власти к нуждам голодающего населения, его пассивной ролью в решении продовольственных проблем.

Ключевые слова: неурожай, голод, продовольственные затруднения, хлебная торговля, запасы, ссуда.

A. S. Rogozhina

“THE FAMINE WAS ALL OVER THE LAND”: CHRONICLES OF THE HISTORY OF FAMINE IN RUSSIA IN THE XI–XVI CENTURIES

Abstract.

Background. A considerable part of the Russian state has historically included a huge number of regions with very diverse climatic conditions, determining their

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891–1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе» № 15-01-00026.

economic specialization. The specificity of economic production was causing such socio-economic phenomena as crop failures and famine, the consequences of which caused a wave of social unrest, destabilizing the situation in the country. The aim of the work is to analyze the text of the Russian chronicles of XI–XVI centuries to identify the causes of such phenomena as crop failures and famine and the measures to combat them.

Materials and methods. The research problems were solved through studying the chronicles of such sources as the Patriarchal or Nikon's Chronicle, the Chronicle of Ancient Years (the Laurentian list), and the First Novgorod Chronicle in old and new languages. The methodological basis of the research included the principles of historicism, objectivity and systemacy. The internal structure of the work is based in the problem-chronological order. The study used the traditional methods of historical knowledge: descriptive, comparative-historical, typological and system-structural.

Results. The main aspects of crop failures and famine as a social phenomenon in the XI–XIV centuries are discussed in article. Its causes, development and consequences for the population are studied. The ways of dealing with crop failures and hunger, as well as the role of the government in this process are analyzed in article.

Conclusions. The official history of the phenomenon of crop failures and famine, in the context of the social and economic history of the Russian state begins in the XI century. The formation of the rudiments of the food system, characterized by the appearance of grain trade, the issue of drawing up inventories and cash and in-kind loans as a way to deal with crop failures and famine begins in the XI–XIV centuries. However, the described chronological period is characterized by poor attention by the state to the needs of hungry people, its passive role in solving food problems.

Key words: crop failure, famine, food difficulties, grain trade, inventory, loan.

Значительная территория Российского государства исторически включала в себя огромное количество регионов с весьма разнообразными природно-климатическими условиями, определявшими их хозяйственно-экономическую специализацию. Специфика хозяйственного производства обуславливала и наличие таких социально-экономических явлений, как неурожай и голод, последствия которых вызывали волну социального недовольства, дестабилизирующую ситуацию в стране.

Проблема голода в Российском государстве, как ни странно, не получила достаточного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Несмотря на то что явление голода всегда было социально-экономическим потрясением для населения государства, историографический анализ сторон этого явления довольно ограничен. Большая часть работ, исследующих проблему голода на Руси, относится к дореволюционному периоду. Голод 1891–1892 гг. и последующая кампания по пересмотру продовольственного Устава вызвали оживленный интерес к истории голода в Российском государстве, породив целый ряд работ, в контексте которых рассматривались, в частности, причины этого явления, мероприятия, предпринимаемые государственной властью и самим населением для борьбы с ним, а также социально-экономические, демографические и политические последствия голода. Первыми исследованиями по теме стали работы А. С. Ермолова, В. Н. Лешкова, М. А. Скибинского, в которых рассматривались, главным образом, причины возникновения голода в России как общественного явления, а также затрагивались некоторые аспекты продовольственных кампаний [1, 2, 3].

Работы Н. А. Каблукова, Е. Э. Картавцева, Г. Г. Савича, Г. П. Сазонова были построены на изучении законодательной основы продовольственного обеспечения населения во время неурожая и голода [4, 5, 6, 7]. В целом дореволюционный период историографии голода характеризовался преимущественно институциональным подходом. Большинство исследователей по большей части описывали происходящие события, нежели подвергали их аналитическому рассмотрению. После 1917 г. проблема голода рассматривалась уже в контексте исследований государственной продовольственной политики и социально-экономического развития России. А. М. Анфимов, М. С. Симонова, А. С. Нифонтов, рассматривая причины возникновения такого явления, как голод, ставили проблему аграрного кризиса, экономического упадка российской деревни [8, 9, 10]. А. Г. Маньков проследил зависимость движения хлебных цен в Русском государстве от голода [11]. Петербургские историки Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин видели причины голода в социально-экономических факторах, усугубленных природно-климатическими условиями [12]. В отечественной историографии активно рассматривалось влияние природных катаклизмов на возникновение голода в России [13, 14]. П. А. Зайончковский вообще отмечал, что неурожай и голод периодически повторялись в России и «не были явлением чрезвычайным» [15]. На современном этапе развития отечественной историографии наблюдается подъем исследовательского интереса к проблемам голода в России [16, 17]. При этом новейшие работы по истории голода ориентированы преимущественно на изучение социально-экономических процессов, происходивших в российской деревне в XVIII–XIX вв., нежели на исследования явления голода периода складывания Российского государства. Так что можно говорить об отсутствии современных специальных работ по тематике исследования.

Самое первое упоминание голода на Руси относится еще ко второй половине IX в. Сообщая о возвращении князей Аскольда и Дира на Русь из царьградского похода в 867 г., летописец писал: «Взвратишася Аскольд и Дир от Царяграда в мале дружине, и бысть в Киеве плач велий. Того же лета бысть в Киеве глад велий» [18, с. 9]. Правда, никаких пояснений этому краткому сообщению летописец не дает. Более пространно рассказывается о голоде на Руси в Лаврентьевской летописи под 1024 г. Тогда голод постиг северные районы Руси, главным образом Суздальское княжество. Произошел он из-за неурожая, порожденного «ведром», т.е. засухой. В летописи сообщается, что «был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили» [19, с. 202]. Из этого комментария можно предположить, что голод 1024 г. – не первый голод, который происходил на Руси. На это, во-первых, указывает то, что люди знали средства преодоления сложившейся ситуации: был известен путь по Волге, по которому можно было доставить хлеб в случае неурожая, «и так ожить»; во-вторых, по свидетельству летописца «в тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы... Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: “Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает за что”» [19, с. 202], что является еще одним свидетельством того, что голод на Руси случался и ранее, поскольку для его

устранения были предусмотрены даже определенные языческие действия. Слова Ярослава также служат подтверждением того, что такие явления, как голод или засуха, уже известны русскому народу. Можно смело предположить, что неурожаи и раньше происходили на Руси, только они не всегда приводили к голоду и, следовательно, не вынуждали принимать чрезвычайных мер для его устранения. По-видимому, неурожай 1024 г. был отмечен летописцем именно в силу тяжелых последствий для населения.

Далее обратим свое внимание на то, что в первом летописно зафиксированном случае голода усматривается и первое действительное средство предупреждения последствий неурожая – хлебная торговля. Причем именно внешняя хлебная торговля. В. Н. Лешков в своей работе «О народном продовольствии в Древней России» пришел к заключению, что «Россия почти исключительно держится этого средства обеспечения своего продовольствия до XVII в., или даже до Петра Великого, с тем только различием, что в позднейшие времена в Русь ввозят хлеб, за которым теперь русские едут сами» [2, с. 5].

Другой случай голода, сохранивший свое описание в летописи, относится к 1071 г. [19, с. 213–216]. На этот раз пострадало Ростовское княжество. По сообщению летописца, «явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит», и отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та – мед, а та – рыбу, а та – меха; и приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих; волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе» [20, с. 337]. Сравнивая неурожаи 1024 и 1070 гг., можно заметить, что они имеют как общие, так и отличительные черты. С одной стороны, в обоих случаях население пребывало в состоянии иступления, одинаково имела место древняя языческая практика, согласно которой женщины рассматривались как причины неурожая и голода. С другой же стороны, в 1070 г. «вставляли» не волхвы, а только «два волхва из Ярославля», а население уже не безропотно следовало за волхвами, а требовало определенных доказательств, почему волхвы, «мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу». Можно предположить, что с течением времени происходила определенная трансформация восприятия явления неурожая и голода в сознании людей, что могло быть следствием как духовно-нравственного, так и экономического развития населения древней Руси. В то же время события 1024 и 1071 гг., зафиксированные в летописи, явили собой яркий пример народных волнений, связанных с переплетением аграрной языческой обрядности и ритуалов, внутриобщинных коллизий и внешнеполитического противоборства, восходящего к межплеменной борьбе X в. Историк И. Я. Фроянов в своей монографии, посвященной важнейшим вопросам, связанным с противостоянием различных социальных сил и групп в древнерусском обществе, рассматривает народные выступления 1024 и 1071 гг. и в частности привлечение к этому процессу служителей языческого культа как явление, связанное с экстремальными условиями, порожденными неурожаем и голодом, не применяя к нему термина «классовая борьба» или даже «крестьянская война» [21, с. 152, 470–471].

Наконец, третий случай голода, отмеченный в летописи под 1092 г., имел место «во многих областях Руси» [19, с. 229]. По мнению В. Н. Лешкова,

принимая слово «область» в его техническом значении, по которому в XI в. областей на Руси было всего пять-шесть, фраза «во многих областях» означала бы, что голод был почти повсеместный [3, с. 8]. «Но вероятнее, что летопись называет «областями» отдельные города с их волостями и что голод имел место в значительной части тогдашней России» [3, с. 8], – заключал В. Н. Лешков. По словам летописца, причиной голода 1092 г. стал неурожай, который был следствием засухи, «так, что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота» [19, с. 229]. Голод был страшный и сопровождался высокой смертностью. В одном только Киеве умерло от 14 ноября до 1 февраля 7000 человек [22, с. 118]. Смертность прекратилась к февралю, так что напрашивается вывод, что именно в этом месяце киевляне наладили подвоз хлеба.

В истории неурожая XI в. большое значение имеет 1094 г., когда население древней Руси узнало еще одну, помимо засухи, причину неурожая и голода. «В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита» [19, с. 233], – сообщает Повесть временных лет. «Тучи сих пагубных насекомых летели от юга к северу, оставляя за собою отчаяние и голод для бедных поселян» [22, с. 120], – добавляет Н. М. Карамзин. Таким образом, неурожай 1094 г. был примечателен прежде всего в отношении причины его возникновения.

Итак, в XI в. было зафиксировано четыре случая неурожая. Первые два локализовались на севере и имели тяжелые последствия, приводившие даже к использованию языческих обрядов и к убийству челяди и женщин. Неурожай 1092 г. был примечателен обширностью своего распространения и высокой смертностью, к тому же тем, что не допустил вмешательства волхвов и уступил место разумному решению продовольственных затруднений путем осуществления хлебной торговли. Четвертый случай неурожая, как уже было сказано, представляет интерес прежде всего в силу причины своего происхождения. Неверно было бы полагать, что в XI в. имели место только четыре случая неурожая. Вероятно, их было гораздо больше. Однако они не были отмечены летописцем в силу, быть может, своей частности и невысокой степени нужды, постигшей население.

С начала XII в. история неурожая в России и мероприятий по борьбе с ними приобретает определенную описательную особенность. Так, одним из случаев неурожая, отмеченным в летописи, явился неурожай 1128 г., оставивший следующее упоминание: «Того же лета о люте бяше: ржи осминка по гривне, и ядыхут людие листь липовый, кору березову, инии молиць истолкше, мятуче с пелми и съ соломою; инии ушь, мох, конину; и тако другъ съ другомъ падаше мертвъ от глада, трупие по улицамъ, по торгу, по путемъ, всюду; и наяша намитовъ возити мертвых из города; понеже бы смрады, нельзе вылести» [23, с. 206]. В приведенном отрывке ясно просматривается более подробное описание голода, кроме того, впервые упоминается денежная и весовая мера хлеба – «ржи осминка по гривне».

Система мер и весов, применяемая в России для расчета хлебных продуктов, заслуживает определенного внимания [24, с. 349]. В Древней Руси высшая единица веса носила название «пуд». «Пуд» равнялся 40 «фунтам» или 40 «большим гривенкам» и составлял примерно 16,3805 кг. «Большая гривенка» соответствовала «фунту», содержала 96 «золотников» и равнялась

409,51241 г. «Большая гривенка» применялась в случаях, когда речь заходила о весе громоздких и обыкновенных товаров (меда, соли, хлеба и т.п.). Если же речь шла о весе дорогих вещей, шелка, золота, серебра, то применялась так называемая «малая, или кладовая, или скаловая, гривенка», которая составляла «полфунта» и равнялась 48 «золотникам». Что касается непосредственно хлебной меры, то древнейшей и наибольшей из них была «кад» («оков»), равнявшаяся 4 «четвертям», или 8 «осьминкам», или 8 «малым кадам». 1 «четверть» приравнивалась к 2 «осьминам», или 8 «четвертикам», или 2,0991 гл. «Осьмина» равнялась 4 «четверикам» и составляла 1,0495 гл. «Осьминка» в свою очередь делилась на свои четверти – «четверетки» (впоследствии «четверики»), которые иногда также назывались «осьминками», как 1/8 часть «четверти», а также «малыми кадками». «Четверик» равнялся 8 «гарнцам», что составляло 26,239 л. А «гарнец» равнялся, соответственно, 3,2798 л. Относительно денежной системы необходимо сказать, что она претерпевала значительные изменения на протяжении всего рассматриваемого в исследовании периода. Так, до XIV–XV вв. в России применялась гривенная денежная система [25, с. 51], т.е. все покупалось и ценилось «гривнами» и ее частями – «кунами», «векшами» и т.д. Первоначально понятие «гривна» было связано с шейным обручем – украшением из драгоценного металла, хорошо известным в материальной культуре славян и их соседей. Затем это слово приобрело новое, весовое значение, соответствующее определенному количеству (весу) металла (например, гривна серебра). Поскольку же это количество могло слагаться из известного числа одинаковых монет, рядом с весом стал штучный счет, число. «Гривна», состоящая из монет (например, гривна кун), – это определенное их число. «Гривна серебра» (весовая) и «гривна кун» (счетная) стали платежно-денежными понятиями. Вообще в гривенной системе встречалось три вида «гривен» – «гривна золота», «гривна серебра» и «гривна кун». «Гривна золота» и «гривна серебра» содержали в себе «полфунта» металла, имя которого носили. «Гривна золота» содержала в себе 50 «гривен кун», а «гривна серебра» – только 7½ «гривен кун», так что золото относилось к серебру как 50:7½, или почти как 7:1. В свою очередь «гривна кун» равнялась 50 «кунам», или «резанам», или 20 «ногатам». Таким образом, «ногата» содержала в себе 2½ «куны», или «резаны». С XIV–XVI вв. в оборот постепенно входила система рублевая. Вещи стали оцениваться «рублями», «полтинами», «гривнами» и «деньгами» [25, с. 64]. Уже известный нам В. Н. Лешков провел работу по переводу денежных единиц XII–XV вв. в современные ему цифры и выяснил, что 1 фунт серебра равнялся бы 20 рублям серебром; 1 гривна серебра, или 7½ гривна кун – 10 рублям серебром; 1 гривна кун, или 50 резан и кун – 1 1/3 рубля серебром; 1 резана, или куна – 2 2/3 копеек серебром; 1 ногата – 6 2/3 копеек серебром [2, с. 11].

Возвращаясь к неурожаю 1128 г., который, будучи следствием суровой зимы 1127 г., явился небывалым прежде случаем голода, повлекшим за собой дороговизну на средства продовольствия, что свидетельствовало об отсутствии хлеба как в продаже, так и в запасе. Более того, начиная с 1128 г. практически все известия летописца о неурожайных годах сопровождалось сообщениями о стоимости продовольствия. Голод 1128 г., когда «отец и мати чадо свое всажаше даромъ гостем, и ово их изомроша, а друзии разидошася по

чужимъ землямъ» [23, с. 206], обнаружил еще два способа самопомощи населения, а именно продажу в рабство за прокормление и переселение из постигнутых неурожаем местностей в более урожайные.

На протяжении XII в. в летописи упоминается всего восемь неурожайных лет – 1127 г. [23, с. 206], 1128 г. [23, с. 206], 1137 г. [23, с. 210], 1141 г. [23, с. 212], 1144 г. [23, с. 213], 1145 г. [23, с. 214], 1161 г. [23, с. 218], 1164 г. [23, с. 219]. Все упомянутые неурожай происходили в Новгородской земле, и почти все они являлись следствием неблагоприятных климатических условий за исключением 1137 и 1141 гг., когда продовольственные затруднения были порождены дороговизной и «недостатком подвоза» из-за военных действий. Не так часто встречаются случаи чрезмерного голода населения, кроме 1128 г. В XII в. все большее распространение в качестве средства борьбы с голодом приобретает хлебная торговля, однако в летописи нет ни одного упоминания о вывозе хлеба из-за границы, взамен этого имеют место частые упоминания о подвозе хлеба, отметки цен на рожь и печеный хлеб, что вполне может доказывать возникновение внутренней хлебной торговли. Наличие же этого явления свидетельствует о том, что русский народ в XII в. пытался обеспечить свое продовольствие собственными силами и что развитие сельской промышленности переходит на качественно новый уровень.

Однако ни возникновение внутренней хлебной торговли, ни совершенствование сельскохозяйственной промышленности не могли устранить неурожай и голод как общественные явления, а существующие меры борьбы с ними были плохо организованы и продолжали носить, как отмечалось выше, временный и случайный характер. Типичным примером этого положения является XIII в. На протяжении столетия наблюдалось несколько случаев неурожаев, описанных в летописи. В целом их насчитывалось около семи. Все они имели атмосферические причины. И все приводили к страшной дороговизне хлеба и хлебных продуктов. Примечательными в этом отношении являются голод 1214–1215 гг. и голод 1230–1231 гг. Летопись сообщает, что в 1214–1215 гг. «в Новгороде зло бысть велми: купляхуть кадь ржи по 10 гривенъ, а овса по три гривне, а репе возъ по 2 гривне; ядыху люди соснову кору и листь липовъ и инии мохъ» [23, с. 253]. Согласно свидетельству летописца, по причине неурожая, произошедшего в Новгороде в 1214–1215 гг., 1 кад, или 4 четверти, ржи можно было купить за 10 гривен. Если вернуться к расчетам В. Н. Лешкова, получается, что 4 четверти ржи стоили в переводе на деньги второй половины XIX в. около 13 рублей серебром, а 1 четверть, следовательно, – 3 рубля 25 копеек. Сам же В. Н. Лешков определял стоимость 1 четверти ржи в пределах 4 рублей и более [2, с. 17]. Обратимся же теперь к труду Н. М. Карамзина. Описывая исследуемые события, историк сообщал, «что четверть ржи стоила около 3 рублей 60 копеек нынешними серебряными деньгами, овса – 1 рубль 7 копеек, воз репы – 2 рубля 86 копеек» [22, с. 227]. При этом в работе В. Н. Лешкова присутствует определенная критика расчетов Н. М. Карамзина, заключающаяся в том, что последний «упустил из виду» потенциальное возвышение цены на хлеб относительно указанной им цифры [22, с. 17–18]. Такое возвышение, по мнению В. Н. Лешкова, могло произойти в силу причин внешнего характера (оцепление, строгие военные меры против подвоза хлеба), что подтверждалось дальнейшими летописными описаниями. Помимо этого, в труде Н. М. Карамзина имелось интересное за-

ключение: «Чиновники скорбели; граждане воплем изъявляли отчаяние; а наместник Ярославов и дворяне его были равнодушными зрителями народного бедствия» [22, с. 227]. Эти слова свидетельствовали о том, что власть рассматривала обеспечение народного продовольствия как проблему непосредственно населения и не намеревалась брать на себя ответственность за прокормление голодающих.

Другим примером небывалого возвышения цен на хлеб являлся голод 1230–1231 гг., когда «изби мразь на вездвижение честнаго креста все обилье по волости нашей, и оттоле паки уставися горе великое: и почахом хлебъ купити по 8 кунь, а кадь ржи по 20 гривен, а въ дворехъ пол 30, а пшенице по 40 гривенъ, а пшена по 50 гривенъ, а овса по 13 гривенъ» [23, с. 277]. Согласно летописи, стоимость ржи в этот период достигла почти 7 рублей за четверть. Летопись оставила страшные свидетельства тех голодных лет: «Якоже инии простая чадь резаху люди живыя и ядыху, а иные мертвое трупие, обрезавающие, ядыху, а друзии конину и псину и кошки; а инех осочивше, тако творяще имь: овоих огнем жгоща, а других осекоша, иных избиша; друзии же мох ядыху и ушь, сосну, кору липову и листь, илемь, кто что како замысливъ: а иные паки злеи человеци добрых людий почаша домы зажигати, где слышаще рожь и всякое обилье, и тако гробяще имение их...; мертвицы по улицам и по торгу и по великому мосту от песь изыдаеми якоже бо не можаху погребати их» [23, с. 279]. Голод 1230–1231 гг. был опустошительным. Летопись вновь сообщала о массовых переселениях жителей в более урожайные районы [23, с. 277] и продаже в рабство «из хлеба» [23, с. 280; 26, с. 1220]. Недостаток в продовольствии ощущался повсюду. Лишения доводили население до зверства и лютой. Голод продолжался до лета 1231 г., когда «прибегоша немцы изъ заморья съ житом и с мукою, и створиша много добра» [26, с. 1220]. Таким образом, описанные в летописи события в очередной раз подтверждали неспособность жителей голодающих местностей обеспечивать продовольствие собственными силами. По существу, единственным способом решения продовольственных затруднений была хлебная торговля – внутренняя и внешняя. В условиях отсутствия развитых путей сообщения и откровенного нежелания русских князей участвовать в решении проблемы подобная помощь оказывалась несвоевременно, с большим опозданием, что приводило к трагическим последствиям, усугубленным внутренней раздробленностью Руси и татаро-монгольским нашествием.

Неурожаи XIV–XVI вв. были уже хорошо известным для России явлением и носили довольно типичный характер. Происходили они преимущественно от неблагоприятных природных условий, были непродолжительны и следствием своим имели чаще всего дороговизну, реже – повсеместный голод. Так, в XIV в. насчитывалось 7 заметных неурожаяев, в XV в. – около 8, в XVI в. – также 8 [2, с. 398]. Наиболее примечательными в отношении способов борьбы с неурожаями и голодом являются события 1422 г., когда «сделался общий голод и продолжался около трех лет по всей России» [22, с. 409]. Н. М. Карамзин сообщает, что «зная, что во Пскове находилось много ржи запасной, жители новгородские, тверские, московские, чудь, корела толпами устремились в сию область, богатые – покупать и вывозить хлеб, а скудные – кормиться милостынею» [22, с. 409]. Эти слова свидетельствуют о наличии в городах определенных хлебных запасов, потенциально используемых для

предотвращения голода. Первоначально запасы носили частный, «домашний» характер, затем они стали заготавливаться в амбарах торгующего класса, который рассчитывал на общую нужду и общественную потребность, и монастырях, а вскоре начали составляться и царские житницы, которые сыграли особую роль в событиях 1601–1603 гг.

В XV–XVI вв. появляется новый способ помощи неимущим, выразившийся в выдаче безвозвратных или заимообразных пособий деньгами или натурой, а иногда в виде организации общественных работ. Можно сказать, что это были зачатки той «классической» продовольственной системы, законодательно утвержденной в России только в 1822 г. Упоминания о денежной и хлебной подмоге встречается, по словам Г. В. Абрамовича, в новгородских писцовых книгах [27, с. 50]. О наличии подмоги во владениях крупнейших новгородских феодалов имеется 32 упоминания в книгах Шелонской, Деревской и Вотской пятин конца XV – начала XVI вв. Кроме того, кредитование ставило своей задачей приведение всей массы крестьянства к такому уровню, который обеспечивал бы возможность использования всех хозяйств на барщинных работах [27, с. 57]. Таким образом, Г. В. Абрамович утверждает, что, раздавая свободные денежные средства в форме ссуды и подмоги, феодалы, укрепляя крестьянское хозяйство, не только повышали свои личные доходы, но и объективно способствовали росту общего государственного дохода, поскольку крестьянин, который не имел средств на посев семян, соответственно, не получал хороший урожай, а следовательно, не мог его продать, что приводило к уклонению от уплаты государственных налогов и сборов. Правда, новый способ помощи нуждающимся крестьянам был изобретен скорее не с целью предотвращения неурожая и голода, а с тем, чтобы обеспечить государству платежеспособного налогоплательщика.

Таким образом, официальная история такого явления, как неурожай и голод, в контексте социально-экономической истории Российского государства начинается с XI в. По крайней мере под 1024 г. в летописи встречается первое упоминание о голоде в его традиционно русском значении. Существование голода неминуемо влекло за собой возникновение способов преодоления его результатов и последствий. Именно в XI–XIV вв. начинается формирование зачатков продовольственной системы, характеризующееся возникновением хлебной торговли, составлением запасов и выдачей денежных и натуральных ссуд как способов борьбы с неурожаем и голодом. Однако, несмотря на то что разработка решения продовольственных затруднений проходила динамично и поступательно, описываемый хронологический период в истории России характеризуется слабым вниманием государственной власти к нуждам голодающего населения, его пассивной ролью в решении продовольственных проблем.

Список литературы

1. **Ермолов, А. С.** Наши неурожаи и продовольственный вопрос / А. С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. – 599 с.
2. **Лешков, В. Н.** О народном продовольствии в древней России / В. Н. Лешков. – М. : Тип. В. Готье, 1854. – 62 с.
3. **Скибинский, М. А.** О системе народного продовольствия / М. А. Скибинский. – СПб., 1893. – 58 с.

4. **Каблуков, Н. А.** Сжатый очерк истории русского законодательства по обеспечению народного продовольствия / Н. А. Каблуков // Продовольственное дело. – М., 1891–1892.
5. **Картавцев, Е. Э.** Наше законодательство о народном продовольствии / Е. Э. Картавцев // Вестник Европы. – 1892. – Т. 4.
6. **Савич, Г. Г.** Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Г. Г. Савич. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1900–1903. – Т. 3, вып. 1. – 456 с. ; вып. 2. – 78 с. ; вып. 3. – 137 с.
7. **Сазонов, Г. П.** Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865–1892 гг.) / Г. П. Сазонов. – СПб. : Издание Хоз. департамента Министерства внутренних дел, 1893. – Т. I. – 511 с.
8. **Анфимов, А. М.** Крестьянское хозяйство европейской России. 1881–1904 / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1980. – 239 с.
9. **Симонова, М. С.** Проблемы социально-экономической истории России / М. С. Симонова. – М., 1971.
10. **Нифонтов, А. С.** Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) / А. С. Нифонтов // Исторические записки. – М., 1968. – Т. 81. – С. 216–258.
11. **Маньков, А. Г.** Цены и их движение в Русском государстве XVI в. / А. Г. Маньков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 274 с.
12. **Ананьич, Б. В.** Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов, В. С. Дякин, С. И. Потолов. – Л. : Наука: Ленинградское отделение, 1984. – 664 с.
13. **Боголепов, М. А.** Наступающие возмущения климата. По историческим данным / М. А. Боголепов. – М. : Изд-во НК земледелия, 1921. – 30 с.
14. **Борисенков, Е. П.** Экстремальные природные условия в русских летописях XI–XVII вв. / Е. П. Борисенков, В. В. Пасецкий. – М. : Гидрометеиздат, 1983. – 240 с.
15. **Зайончковский, П. А.** Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов / П. А. Зайончковский. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – 510 с.
16. **Жукова, Л. А.** Земское самоуправление и бюрократия в России / Л. А. Жукова. – М. : Хронограф, 1998. – 179 с.
17. **Книга, М. Д.** История голода 1891–1892 гг. в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Книга М. Д. – Воронеж, 1997. – 23 с.
18. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 2000. – Т. 9.
19. Повесть временных лет (Лаврентьевский список). – СПб. : Наука, 2007. – 669 с.
20. **Вернадский, Г. В.** Киевская Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь : ЛЕАН ; М. : АГРАФ, 1996. – 448 с.
21. **Фроянов, И. Я.** Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов. – М. ; СПб. : Златоуст, 1995. – 703 с.
22. **Карамзин, Н. М.** История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 1024 с.
23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Русские летописи / подг. к изд. А. И. Цепковым. – Рязань : Александрия ; Узорочье, 2001. – Т. 10. – 652 с.
24. **Данилов, А. А.** История России IX–XIX вв. Справочные материалы / А. А. Данилов. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 432 с.
25. **Спасский, И. Г.** Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк / И. Г. Спасский. – Л. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 222 с.
26. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – 2-е изд. – СПб. : Общественная Польза, 1896. – Т. I–V, кн. 1. – 1726 с.

27. **Абрамович, Г. В.** К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси в XV–XVI вв. / Г. В. Абрамович // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1965. – С. 49–61.

References

1. Ermolov A. S. *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and food issues]. Saint-Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1909, 599 p.
2. Leshkov V. N. *O narodnom prodovol'stvii v drevney Rossii* [On national food supply in ancient Russia]. Moscow: Tip. V. Got'e, 1854, 62 p.
3. Skibinskiy M. A. *O sisteme narodnogo prodovol'stviya* [On the system of national food supply]. Saint-Petersburg, 1893, 58 p.
4. Kablukov N. A. *Prodovol'stvennoe delo* [Food supply]. Moscow, 1891–1892.
5. Kartavtsev E. E. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1892, vol. 4.
6. Savich G. G. *Sbornik pravil po obespecheniyu narodnogo prodovol'stviya* [The code of rules of national food supply]. Saint-Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del, 1900–1903, vol. 3, iss. 1, 456 p.; iss. 2, 78 p.; iss. 3, 137 p.
7. Sazonov G. P. *Obzor deyatelnosti zemstv po narodnomu prodovol'stviyu (1865–1892 gg.)* [Review of zemstvos' national food supply performance (1865–1892)]. Saint-Petersburg: Izdanie Khoz. departamenta Ministerstva vnutrennikh del, 1893, vol. I, 511 p.
8. Anfimov A. M. *Krest'yanskoe khozyaystvo evropeyskoy Rossii. 1881–1904* [Peasant economy in European Russia. 1881–1904]. Moscow: Nauka, 1980, 239 p.
9. Simonova M. S. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii* [Problems of the Russian socioeconomic history]. Moscow, 1971.
10. Nifontov A. S. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1968, vol. 81, pp. 216–258.
11. Man'kov A. G. *Tseny i ikh dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI v.* [Prices and movement thereof in the Russian state in XVI century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951, 274 p.
12. Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh., Dubentsov B. B., Dyakin V. S., Potolov S. I. *Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917* [Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1984, 664 p.
13. Bogolepov M. A. *Nastupayushchie vozmushcheniya klimata. Po istoricheskim dannym* [Upcoming climate disturbance. Historical data]. Moscow: Izd-vo NK zemledeliya, 1921, 30 p.
14. Borisenkov E. P., Pasetkiy V. V. *Ekstremal'nye prirodnye usloviya v russkikh letopisyakh XI–XVII vv.* [Extreme natural conditions in Russian chronicles of XI–XVII centuries]. Moscow: Gidrometeoizdat, 1983, 240 p.
15. Zayonchkovskiy P. A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880 godov* [The crisis of the autocracy at the turn of 1870–1880's]. Moscow: Izd-vo MGU, 1964, 510 p.
16. Zhukova L. A. *Zemskoe samoupravlenie i byurokratiya v Rossii* [Zemstvos' self-government and bureaucracy in Russia]. Moscow: Khronograf, 1998, 179 p.
17. Kniga M. D. *Istoriya goloda 1891–1892 gg. v Rossii: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The history of the 1891–1892 famine in Russia: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Voronezh, 1997, 23 p.
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, 2000, vol. 9.
19. *Povest' vremennykh let (Lavrent'evskiy spisok)* [Tale of Bygone Years (Laurentian codex)]. Saint-Petersburg: Nauka, 2007, 669 p.
20. Vernadskiy G. V. *Kievskaya Rus'* [Kiev Rus]. Tver: LEAN; Moscow: AGRAF, 1996, 448 p.
21. Froyanov I. Ya. *Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii sotsial'noy i politicheskoy bor'by* [Ancient Rus. Experience of researching the history of social and political struggle]. Moscow; Saint-Petersburg: Zlatoust, 1995, 703 p.

22. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Moscow: EKSMO-Press, 2002, 1024 p.
23. *Russkie letopisi* [Russian chronicles]. Ryazan: Aleksandriya; Uzoroche, 2001, vol. 10, 652 p.
24. Danilov A. A. *Istoriya Rossii IX–XIX vv. Spravochnye materialy* [Russian history of IX–XIX centuries. Reference materials]. Moscow: VLADOS, 1997, 432 p.
25. Spasskiy I. G. *Russkaya monetnaya sistema. Istoriko-numizmaticheskiy ocherk* [Russian coinage. A historical-numismatic essay]. Leningrad: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1962, 222 p.
26. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Russian history from the ancient times]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za, 1896, vol. I–V, bk. 1, 1726 p.
27. Abramovich G. V. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Eastern European agrarian history yearbook]. Moscow, 1965, pp. 49–61.

Рогожина Ангелина Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории России, Орловский государственный университет (Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95)

E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Rogozhina Angelina Sergeevna

Candidate of historical sciences, senior lecturer, sub-department of Russian history, Orel State University (95 Komsomolskaya street, Orel, Russia)

УДК 94 (47).027/.046

Рогожина, А. С.

«Был голод по всей той стране»: летописание истории голода в России в XI–XVI вв. / А. С. Рогожина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 14–25.